

АЗІАТСКІЙ СБОРНИКЪ

Изъ Извѣстій Россійской Академіи Наукъ

Новая серія

1918

MÉLANGES ASIATIQUES

tirés

du Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie

Nouvelle Série

ПЕТРОГРАДЪ

PETROGRAD

Огюсть Бартъ.

$\frac{28}{III}$ 1834—1916 $\frac{15}{IV}$ н. с.

Некрологъ.

(Читанъ академикомъ С. Ѳ. Ольденбургомъ въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 17 января 1918 года).

Огюсту Барту, который умеръ 15 апрѣля 1916 года, принадлежитъ совершенно исключительное мѣсто среди изслѣдователей Индіи, ибо никто не обладалъ знаніями столь разносторонними и вѣстѣ съ тѣмъ столь основательными, какъ онъ. Свою жизнь онъ посвятилъ изслѣдованію Индіи: не занимая никакой отвѣтственной должности и ставъ членомъ Академіи надписей лишь въ пожилыхъ годахъ, онъ все свое время, неизмѣнно изо дня въ день, посвящалъ научной работѣ. Владѣя независимыми средствами, онъ составлялъ себѣ бібліотеку по Индіи, которая по систематическому подбору книгъ могла соперничать съ любой изъ большихъ общественныхъ бібліотекъ. Обстоятельство это почти совершенно избавляло его отъ необходимости работать внѣ дома. Необыкновенная систематичность и напряженность работы принесли свои плоды: не было почти вопроса въ обширной области индологіи, въ которой у Барта не было бы своихъ самостоятельныхъ взглядовъ, всегда основанныхъ на знаніи первоисточниковъ. Но эта исключительная широта самостоятельныхъ знаній не могла не отразиться на характерѣ его научнаго творчества. Если мы оставимъ въ сторонѣ его классическій трудъ по религіямъ Индіи, составленный сперва какъ статья для энциклопедіи, изданіе камбоджскихъ надписей¹ и нѣсколько небольшихъ самостоятель-

---

¹ Inscriptions sanscrites du Cambodge. NEMBN XXVII. 1 part. pp. 1—180 и атласъ. Paris. 1885.

ныхъ статей, то вся остальная научная работа О. Барта нашла себѣ мѣсто въ критическихъ разборахъ отдѣльныхъ сочиненій и въ обзорахъ литературы по религіямъ Индіи. Оно и вполне понятно: создавать большіе самостоятельные труды можетъ только ученый, сосредоточившій свою научную дѣятельность на определенной, сравнительно все-таки узкой области, ибо процессъ самостоятельной разработки первоисточниковъ при всякихъ условіяхъ медленный и берущій чрезвычайно много времени, и потому понятно, что для ученаго, разрабатывающаго самостоятельно первоисточники во многихъ и различныхъ областяхъ и привыкшаго при этомъ дѣлать для себя болѣе или менѣе широкія обобщенія, не остается почти времени на писаніе книгъ. Въ такомъ положеніи былъ Бартъ, и единственнымъ способомъ все же хотя бы частично подѣлиться громадными накопленными знаніями съ собратями по наукѣ были для него разборы чужихъ трудовъ и обзоры по извѣстнымъ вопросамъ текущей научной литературы.

Обширнымъ карточнымъ матеріаломъ его воспользуются уже другіе: онъ имѣлъ привычку заносить на карточки результаты своихъ чтеній и работы надъ источниками; карточки эти въ идеальномъ порядкѣ находились въ особыхъ шкафахъ. Всякій, кто имѣлъ счастье бывать у Барта и говорить съ нимъ о тѣхъ или другихъ вопросахъ, касающихся Индіи, хорошо помнить, какъ во время горячаго спора или сомнѣній, высказанныхъ кѣмъ-либо изъ его собесѣдниковъ онъ вскакивалъ и говорилъ «attendez, je crois que j'ai quelque chose là dessus dans mes fiches» и всегда возвращался съ относящимися къ спорному вопросу справками, дававшими обыкновенно что-нибудь совершенно новое, указывавшими на забытый всеми источникъ или ускользнувшую отъ общаго вниманія статью.

Справедливъ поэтому въ полной мѣрѣ заголовокъ, который его друзья и ученики поставили на собраніи его сочиненій, къ изданію котораго они приступили по поводу 80-лѣтія Барта: «*Quarante ans d'indianisme*»¹. По поводу критическихъ статей, составившихъ главную часть работы Барта, кромѣ его очерка религіи Индіи, Сенаръ могъ справедливо сказать: «*Se succédant ainsi au fil des jours, ils reflètent pour une longue période et la marche générale des études indiennes et l'activité propre de votre vie scientifique*»². Эти стѣтны всегда давали что-нибудь новое, по всякому вопросу у

¹ *Quarante ans d'indianisme. Oeuvres de Auguste Barth recueillies à l'occasion de son quatre-vingtième anniversaire. Tome premier. Les Religions de l'Inde et Bulletins des religions de l'Inde (1880—1885). Tome deuxième. Bulletins des Religions de l'Inde (1889—1902). Paris 1914.* Пока вышли, насколько намъ извѣстно, только эти два тома.

² *Ib. Avant-propos, p. XI.*

Барта было свое слово, иногда оно давало новое, часто болѣе вѣское подтвержденіе мнѣнія разбиравашагося автора, иногда опровергало его, всегда это былъ шагъ впередъ. Когда закончится прерванное войною изданіе сочиненій Барта, то оно станетъ настольною книгою индіанистовъ, ибо безъ статей, которыя въ нихъ будутъ собраны и перепечатаны, нельзя обойтись изслѣдователю Индіи. Все научное богатство этихъ статей такъ велико, что его не обозрѣть иначе, какъ въ специальной работѣ, которая, мы надѣемся, будетъ со временемъ написана для выясненія научныхъ воззрѣній Барта и методовъ его изслѣдованій.

Книга, которую онъ называлъ, не совсѣмъ можетъ быть правильно, «un ouvrage de simple vulgarisation» и которую специалисты считаютъ классическимъ трудомъ по исторіи религій Индіи «Les Religions de l'Inde»¹ чрезвычайно характерна для способа работы Барта. Внимательно всматриваясь въ нее, мы видимъ, что она дѣлкомъ основана на самостоятельномъ, непосредственномъ изученіи первоисточниковъ, въ этомъ ея громадное научное значеніе, благодаря которому она останется навсегда «классикомъ» индіанизма.

Въ краткомъ введеніи къ «Религіямъ Индіи» Бартъ указалъ то исключительное значеніе, какое для историка религій представляетъ Индія; мы считаемъ необходимымъ привести его слова, потому что они особенно ясно показываютъ, что привлекло Барта къ этому сложному и исключительно богатому философскимъ и религіознымъ творчествомъ міру, называемому Индіей, съ которымъ въ этомъ отношеніи не можетъ сравниться ни одна страна и ни одна культура на всемъ протяженіи культуры міровой.

«Индія»² не только сохранила намъ въ своихъ Ведахъ древнѣйшіе и наиболѣе полные документы для изученія древнихъ натуралистическихъ вѣрованій, которыя въ весьма отдаленномъ прошломъ были общи всѣмъ членамъ индоевропейской семьи, она вмѣстѣ съ тѣмъ и единственная страна, гдѣ эти вѣрованія, правда со многими перемѣнами и колебаніями, дошли до нашихъ дней. Въ то время, какъ всюду они или были уничтожены монотеистическими религіями иностраннаго происхожденія, часто даже не оставивъ пря-

¹ Было въ первый разъ напечатано въ издававшейся Лиштамберже «Encyclopédie des sciences religieuses» въ 1879 г. и издано затѣмъ отдѣльнымъ оттискомъ, куда внесены примѣчанія, переведено въ 1882 г. на англійскій языкъ (The Religions of India. Authorized translation by Rev. J. Wood. London. Trübner Oriental Series); при этомъ дано новое предисловіе автора и дополнены примѣчанія; наконецъ, перепечатано въ I томѣ сочиненій. Русскій переводъ, подъ редакціей князя С. Н. Трубецкаго, былъ напечатанъ въ 1897 году, подъ заглавіемъ «Религіи Индіи». Москва (Научно-популярная Библиотека Русской Мысли).

² Oeuvres de Auguste Barth. I. 11—12 (Introductions къ «Les Religions de l'Inde»).

мого и достовѣрнаго свидѣтельства о себѣ, или внезапно остановленныя въ своемъ развитіи и осужденныя пережить себя въ неподвижныхъ границахъ маленькой церкви — какъ то имѣло мѣсто съ парсизмомъ, въ одной только Индіи эти вѣрованія представляютъ и до нашихъ дней непрерывное, самостоятельное развитіе, засвидѣтельствованное богатою литературою, развитіе, въ которомъ они не переставали раздвигать свои границы. Въ этой поразительной долговѣчности и заключается въ значительной мѣрѣ причина того интереса, который представляетъ изученіе индійскихъ религій, совершенно независимо отъ того какъ оцѣнивать ихъ догматическое или практическое значеніе. Ибо нигдѣ въ другомъ мѣстѣ нельзя наблюдать въ условіяхъ въ общемъ столь благопріятныхъ послѣдовательныя превращенія и если такъ можно сказать, судьбу политеистическаго міровоззрѣнія. Изъ всѣхъ подобныхъ воззрѣній ни одно не показало себя столь живучимъ, столь гибкимъ, столь способнымъ облечься въ самые разнообразныя образы, столь искуснымъ примирить всѣ крайности, отъ самаго утонченнаго идеализма до грубѣйшаго идолопоклонства какъ индійское, ни одно не сумѣло столь удачно замѣнить свои потери, ни одно не имѣло въ такой степени способности непрерывно производить новыя секты, даже великія религіи, и постоянно возрождаясь такимъ образомъ изъ самого себя, противостоять всѣмъ причинамъ разрушенія, какъ внутреннему подтачиванію, такъ и давленію извнѣ».

Кончается книга вопросомъ, на который Бартъ, какъ онъ это говоритъ самъ, не знаетъ отвѣта: «Какова будетъ вѣра Индіи въ тотъ день, когда ея старыя религіи, осужденныя на гибель, но упорно продолжающія жить, окончательно рушатся?»

Книга Барта, несмотря на быстрое накопленіе новыхъ матеріаловъ и монографій, не скоро потеряетъ свое значеніе, благодаря тому, что и въ общемъ ея построеніи и до мелочей въ ней все *продумано*, а не только *изложено*, какъ это часто бываетъ и въ очень хорошихъ книгахъ: можно не соглашаться съ Бартомъ, но тогда необходимо каждый разъ самому до конца продѣлать ту работу изслѣдованія, которую продѣлалъ онъ. Я убѣжденъ, что всякій индіанистъ, который хорошо знакомъ съ книгою Барта подтвердить мои слова; не даромъ эта книга осталась единственной въ своемъ родѣ во всей литературѣ индіанизма — я исключаю при этомъ, разумѣется, многочисленные компилятивныя обзоры индійскихъ религій.

Вторая книга Барта совершенно другого рода — эпиграфическій трудъ; для всякаго знакомаго съ индійскою эпиграфикою извѣстны трудности, сопряженныя съ изданіемъ длинныхъ надписей, изъ которыхъ ихъ состави-

тели по большей части трудолюбивые, но мало талантливые педанты пытаются сдѣлать поэмы, гдѣ изысканность оборотовъ рѣчи, намековъ, риторическихъ фигуръ соперничаютъ съ рѣдкими словами, извлеченными изъ глубины туземныхъ словарей, часто весьма далекихъ и отъ истинной литературы и отъ живого языка. Если къ этому прибавить, что для точныхъ хронологическихъ приуроченій часто требуется работа астронома и математика, въ виду необыкновенной сложности многихъ датировокъ надписей, то станетъ понятнымъ, какой огромный трудъ заключенъ въ скромномъ сборникѣ надписей. Томъ камбоджскихъ надписей, изданный Бартомъ, ему пришлось дополнить окончаніемъ подготовленнаго Бергенемъ другого тома тоже камбоджскихъ надписей. Нечего, конечно, говорить о необыкновенной точности работы, но необходимо указать на характерную для Барта разбѣренность и опредѣленность: вступительныхъ замѣчаній и цѣнныхъ подстрочныхъ примѣчаній много, но всё онѣ идутъ непосредственно къ дѣлу — вы не найдете здѣсь тѣхъ «экскурсовъ», въ которыхъ часто тонетъ основной текстъ и теряется цѣльность и стройность первоначальнаго построения. «Il faut toujours être sobre», любилъ говорить Бартъ.

Внѣ этихъ двухъ книгъ мы имѣемъ дѣло только со статьями, по преимуществу въ формѣ критическихъ обзоровъ, въ которыхъ обыкновенно вопросъ брался во всей его широтѣ, при чемъ Бартъ старался обыкновенно установить положеніе вопроса въ научной литературѣ къ данному времени. Въ рѣдкихъ, сравнительно, отдѣльныхъ случаяхъ онъ брался за перо, когда ему казалось, что специалисты увлекаются и выходятъ въ своихъ выводахъ за предѣлы того матеріала, которымъ располагаютъ. Тогда Бартъ выступалъ съ своимъ объясненіемъ, строго отмежевывая область допускаемыхъ доступными фактами выводовъ. Приведу одинъ такой примѣръ.

Находка на границѣ Непала внутри стѣны вазы съ остатками костей и съ надписью, указывавшей, что мы имѣемъ дѣло съ останками Будды вызвала чрезвычайный интересъ въ ученomъ мірѣ и въ особенности въ широкихъ кругахъ Индіи и всего буддійскаго міра. Первое чтеніе надписи, данное Бартомъ въ 1898 году гласило просто: «это хранилище останковъ Господа Будды (даръ) Шакьевъ, братьевъ Сукирти (или «Сукирти и его братьевъ») вмѣстѣ съ ихъ сестрами, сыновьями и женами». Чтеніе это, не дававшее повода къ созданію какихъ-либо особенно новыхъ гипотезъ, вызвало рядъ возраженій и предложеній новыхъ чтеній. Образовалась обширная литература вопроса и появились весьма широкіе выводы изъ этой краткой надписи: ее относили ко времени смерти Будды, къ этому же времени относили и стѣпу, въ которой была найдена надпись; выводы эти, если-бы они были

справедливы, должны были въ свою очередь повести къ ряду новыхъ выводовъ по отношенію къ исторіи индійскаго письма и т. д. Появились и другія толкованія. Тогда, уже въ 1906 году, Бартъ снова взялся за перо и въ небольшой статьѣ мастерски разобралъ всѣ предложенныя чтенія и далъ свое окончательное чтеніе, почти тождественное съ первымъ его чтеніемъ. Рушились всѣ «сенсационныя новости», и Бартъ кончаетъ словами «*mieux vaut un résultat négatif que des données illusoires*».

Темы, затронутыя Бартомъ въ его статьяхъ и обзорахъ такъ разнообразны, что мнѣ невозможно обозрѣть ихъ здѣсь и потому я выберу только два примѣра, чтобы на нихъ показать его методы работы.

Веды занимаютъ столь значительное мѣсто въ исторіи памятниковъ индійской культуры и представляютъ столько неразрѣшенныхъ загадокъ, что Бартъ, естественно много занимался ими. Изъ разныхъ статей его по ведической литературѣ, одна статья особенно подробно излагаетъ его взгляды: она написана по поводу книги Г. Ольденберга о религіи Ведъ¹. Онъ начинаетъ сперва какъ бы съ расчистки почвы, съ выясненія общаго положенія вопроса и характера того матеріала, изъ котораго будетъ дѣлаться разбираемое построеніе. Онъ объясняетъ, почему у насъ до сихъ поръ нѣтъ удовлетворительнаго перевода Ведъ и почему тѣмъ не менѣе въ общихъ чертахъ ихъ пантеонъ и основныя черты религіи Ведъ поддаются опредѣленію; въ краткихъ, немногихъ словахъ говорится затѣмъ о предшественникахъ Ольденберга и ихъ характерныхъ чертахъ. Потомъ уже шагъ за шагомъ слѣдуетъ противопоставленіе Бартомъ его собственныхъ взглядовъ на ведическій пантеонъ и на религію Ведъ взглядамъ Ольденберга или согласіе съ ними, подкрѣпляемое новыми доводами. Мы горячо совѣтуемъ всѣмъ интересующимся Ведами прочесть эту превосходную работу Барта.

Другой примѣръ мы беремъ изъ совершенно иной области, правда столь же сложной и запутанной какъ и ведическій міръ, можетъ быть даже еще болѣе сложной и запутанной — мы говоримъ о вопросѣ происхожденія басни, одного изъ видовъ тѣхъ знаменитыхъ «странствующихъ сказаній», которыя являются вѣчнымъ яблокомъ раздора специалистовъ. Статья Барта написана по поводу книги F. Ribezzo². *Nuovi studi sulla origine e la propagazione delle favole indo-elleniche comunemente dette esopiche. Napoli 1901.*

¹ Die Religion des Veda von Hermann Oldenberg. Extr. du Journal des Savants. Mars, Juin, Juillet et Août 1896. Стр. 1—55. Орд. err.

² De l'origine et de la propagation des Fables. Journ. d. Sav. Nov.—Déc. 1903. Janv. 1904.

Здѣсь, раньше чѣмъ перейти къ самому содержанію статьи, мы хотѣли бы сказать нѣсколько словъ насчетъ общей манеры Барта, какъ критика. Въ научной критикѣ есть два рѣзко отличныхъ другъ отъ друга типа критиковъ: первый заботится главнымъ образомъ о выясненіи того новаго положительнаго, что даетъ разбираемый трудъ, — на ошибки и промахи, которые отмѣчаются, обращается меньше вниманія, они вообще считаются заслуживающими упоминанія лишь съ точки зрѣнія фактическихъ поправокъ; второй типъ критиковъ прежде всего и главнымъ образомъ отмѣчаетъ отрицательныя стороны разбираемой работы, понимая критику въ ея болѣе тѣсномъ, буквальномъ значеніи. Бартъ принадлежалъ къ числу критиковъ перваго типа и это очень опредѣленно сказалось въ его разборѣ книги Рибеццо, заключающей въ себѣ не мало неточностей и даже грубыхъ промаховъ.

Чрезвычайно тонко разобравъ попытки автора установить происхождение басни изъ Индіи, при чемъ по мнѣнію Рибеццо Греція отдѣлала басню и закрѣпила ея окончательную форму, Бартъ указываетъ на всю шаткость общихъ выводовъ, и съ своей стороны высказываетъ извѣстные общія положенія, съ которыми, при существующихъ нынѣ методахъ изслѣдованія и при недостаточной обработкѣ матеріаловъ, согласится всякій, кто самостоятельно работалъ въ области сравнительной литературы. Бартъ считаетъ празднымъ вопросъ о происхожденіи басни вообще, а отдѣльныя задачи о происхожденіи той или другой басни часто неразрѣшимыми. Бартъ считаетъ, что Индія въ этой области больше давала, чѣмъ брала, но это мнѣніе основано на соображеніяхъ общаго характера, мало сравнительно убѣдительныхъ для каждаго частнаго случая. Изслѣдованія частнаго характера чрезвычайно цѣнны и любопытны особенно тѣмъ, что бросаютъ свѣтъ на взаимоотношенія народовъ въ глубокомъ ихъ прошломъ; часто, конечно, сходство является послѣдствіемъ случайнаго совпаденія, но нѣтъ сомнѣнія, что, напрямѣръ, такія произведенія, какъ басня объ «Ослѣ въ львиной шкурѣ» не были сочинены независимо дважды.

Кончая нашъ краткій и совершенно не исчерпывающій очеркъ научной дѣятельности одного изъ наиболѣе выдающихся востоковѣдовъ, я не могу не сказать нѣсколько словъ о человѣкѣ, котораго имѣлъ счастье знать въ теченіе тридцати лѣтъ и могъ такимъ образомъ оцѣнить его необыкновенную прямоту и доброжелательность. Альзасецъ по рожденію и по воспитанію, онъ послѣ войны 1870—1871 покинулъ ставшую нѣмецкой провинціею родину и поселился окончательно въ Парижѣ, гдѣ жилъ исключительно для науки. Сильная глухота, перешедшая въ послѣдніе годы почти въ полную потерю

слуха, отдѣлила его въ значительной мѣрѣ отъ людей, даже отъ друзей, другіе тяжелые недуги отравляли жизнь, но Бартъ неизмѣнно продолжалъ работу, такъ какъ голова его оставалась свѣжей. И какимъ наслажденіемъ была всегда бесѣда съ нимъ, живая и содержательная. Въ наши лихорадочные дни такіа жизни и такіе люди рѣдки; тѣ, кто знали ихъ, свято хранятъ въ сердцѣ своемъ память объ этихъ — настоящихъ людяхъ.
